

Василий Арсеньев

Путь борьбы

18+

Василий Арсеньев

Путь борьбы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55595268

SelfPub; 2023

Аннотация

Исследователь кибернетики Александр Литвинов после пережитой аварии загадочным образом сеет смерть вокруг себя... В надежде на спасение от этого проклятья он отправляется в Америку, но там попадает в сети таинственной организации, собирающей ученых со всего мира. Открыв в себе способности к телепатии, Литвинов вынужден убивать по приказу невидимых кукловодов. Но однажды он получает «заказ» на своего собственного внука... Тогда, не выполнив задания, Литвинов сам становится мишенью. И с этого момента начинается его путь борьбы.

Содержание

Часть первая. Возмездие	5
Глава первая. Отчаяние	5
Глава вторая. На чужбине	10
Глава третья. Исповедь	20
Глава четвёртая. Центр	63
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Василий Арсеньев

Путь борьбы

*Мне отмщение, Я воздам,
говорит Господь.*

Рим. 12:19

*Ныне суд миру сему;
Ныне князь мира сего
изгнан будет вон.*

Евангелие от Иоанна 12:31

Часть первая. Возмездие

Глава первая. Отчаяние

Москва. 21 век. Начало 30-х годов.

Он шёл по пустым коридорам Кремля, переступая через тела спящих на полу охранников. Он не думал о собственном могуществе, о своём даре, что был проклятием всей его жизни. Он мечтал о покое, как о заслуженной награде, и чувствовал в себе решимость, какой не знал прежде. Это был человек, пред которым пали Кремлёвские стены... И его имя Александр Михайлович Литвинов.

В сумерки он вышел из здания Сената. На небе нависали тёмные тучи, моросил холодный дождь.

Литвинов поёжился от холода и поднял воротник своего пальто. Тоска, словно лезвие ножа, пронзила душу его. Он поспешно покинул Кремль через Боровицкие ворота...

Постоял какое-то время на остановке, а потом продолжил свой путь пешком. Между тем дождь усиливался. А Литвинов ускорял шаг и не заметил, как ноги сами понесли его...

Люди с недоумением оглядывались на странного незнакомца и посылали ему вдогонку бранные слова. И никто не знал, что бегущему человеку минул уже девятый десяток лет!

Литвинов поднялся на пятый этаж и дрожащей рукой не сразу попал ключом в замочную скважину. Усталость вмиг разлилась по его телу. Он вошёл, закрыл дверь и прислонился к ней, чтобы не упасть, с трудом добрался до спальни, потом рухнул на кровать и мгновенно заснул, как был, в мокрой одежде и обуви...

Когда Литвинов открыл глаза, стояла глубокая ночь. Чёрные тучи заполнили небо от края и до края его. Казалось, дождь идёт целую вечность!

Литвинов почувствовал прилив сил, переоделся и заглянул на кухню. Там он открыл холодильник, полный продуктов, и в задумчивости остановился: «Чего же я хочу?» Приподнятое настроение как рукой смахнуло. Прежняя грусть нахлынула на него...

Литвинов опустил на стул. Решимость ушла, осталась одна лишь слабость, что поселилась в сердце его. Нет, Литвинов не чувствовал себя победителем, – в этот миг он понял, что потерпел тяжёлое поражение. Он слишком любил жизнь и ценил те немногие ее мгновения, которые были счастливыми. Или ему казались таковыми...

Он вспомнил о мыслях, что терзали его душу прежде. И от них было лишь одно спасение – работа. Но дома они не оставляли его в покое... А ночи и вовсе стали его кошмаром.

Бессонница мучила Литвинова долгое время после его

возвращения из Южной Америки и стала концом его научной карьеры. Однажды он заснул на рабочем месте. И его уволили, не поглядев на прежние заслуги...

Без науки Литвинов не мыслил своей жизни и заливал горю бутылкой водки... С тех пор он погрузился в беспробудный запой. Протрезвел Литвинов лишь в тот миг, когда увидел своего внука-министра в выпуске новостей: Андрей Романов говорил о программе поддержки российских информационных технологий...

Литвинов был привязан к жизни невидимыми, но прочными нитями любви, той любви, что не задаёт вопросов. Теперь отчаяние захлестнуло его душу волною... Понимая краешком сознания, что в мире этом его ничто не держит, он не хотел уходить... И слёзы брызнули из глаз его. Они текли ручьями по его лицу. Но вдруг ему стало стыдно за себя.

«Я мужчина, я, в конце концов, русский человек!» – вознегодовал Литвинов. От тревожных мыслей он отвлекся, лишь вспомнив о товарищеском матче с англичанами.

Тогда Литвинов нырнул в гостиную, включил телевизор и уселся в кресло...

Минуло больше половины матча, счёт оставался неоткрытым, команды не радовали болельщиков решительной игрой... В перерыве Литвинов сходил на кухню и сделал себе бутерброды. Перед глазами мелькали бегающие по зелёному

полю игроки. И, глядя на них, Литвинов задумался еще сильнее: «Спорт, футбол... Всё бессмысленно. Все суета! Перед смертью все равны: знаменитость ты или никому не известный человек. К любому может прийти человек, которому нет дела до того, кто ты и как жил до сих пор. Этот человек без колебания сделает контрольный выстрел в голову. И вскоре найдут твой остывший труп... И только тогда ты станешь интересен людям! Следователи начнут копаться в твоей жизни и строить догадки, кто же убил его? А сам человек останется для них загадкой!

Кто проведает о том, что не по своей воле я стал убийцей, кто узнает о моих страданиях? Ответ очевиден. Никто... И сейчас я никому не нужен. Злая судьба отняла у меня жену и дочь, остался один лишь внук, да и тот... – Литвинов вздохнул. – Холодно встретил меня сегодня! Андрей... гордость моя! Он отвернулся от меня. Он ничего, кроме страха, не испытывал ко мне. И он прав. Тысячу раз прав! Я – источник зла! Что я сделал хорошего за свою жизнь? Повсюду лишь мрак и тьма окружали меня: и в Советском Союзе, и в Америке, и в Японии, а в России... – он покачал головой, отгоняя болезненные воспоминания. – У меня нет иного выхода, как постараться всё исправить!»

– И я сделаю это! – решительно произнёс он вслух. – Они мне не оставили выбора... Я буду мстить – за себя, за своего внука, за всех, кто пал жертвой злодеяний этой проклятой организации!

Литвинов зловеще улыбался, когда тихонько скрипнула дверь и послышались осторожные шаги. Он сидел в мягком кожаном кресле, устремив глаза в экран телевизора. Смерть пришла за ним, и он знал это... Но ни один мускул на лице его не дрогнул, – от прежнего страха не осталось и следа. На губах его играла азартная улыбка...

Между тем в гостиную вошёл мужчина в чёрной кожаной куртке; пистолет с глушителем был в руке у него. Незнакомец торжествующе подумал: «Как всё просто!» – и направил дуло пистолета в сторону кресла. Однако в следующий миг улыбка исчезла с лица его, он опустил руку, немного помедлил и выстрелил... себе в голову.

Глава вторая. На чужбине

Литвинов не желал более оставаться в своей квартире. На полу у стены лежал труп наёмного убийцы, приходившего за ним... И это была квартира, купленная на деньги тех, кому он искренне желал смерти. Он мечтал загладить вину перед Родиной и понимал, что сделать это может только за рубежом. У него была туристическая виза на въезд в США, и теперь он шёл покупать билет на самолёт до Нью-Йорка...

Он делал визу, желая развеяться и навестить своего старого знакомого Олега Давыдова, – общий бизнес связывал их в былые времена и вылился в искреннюю дружбу. Олег в годы кризиса перебрался в Америку, где смог восстановить свои потерянные в России капиталы. В США он не только поселился, но и женился на американке...

Новый визит незваного гостя разрушил планы Литвинова. Перед ним встал непростой выбор. Кто-то должен был умереть: либо он, либо его единственный внук...

В Кремль Литвинов шёл, видя лишь две альтернативы перед собой, но теперь нашёл и третью, – и это была месть...

Теперь он решил: хватит бегать и прятаться, я не дичь, а они не охотники! В сердце своём он объявил войну всему злу мира сего. Он избрал путь, полный смертельных опасностей, и был к ним готов.

Сидя в аэропорту в ожидании своего рейса, Литвинов мечтал обезглавить всю верхушку зловещей организации, а если не удастся выжить, утянуть их за собой в могилу.

Увы, он смутно представлял себе контуры происходящего в мире и могущество этих людей. А недооценивать врага – это смерти подобно!

Самолёт оторвался от земли и набирал высоту. У Литвинова защемило сердце, его посетило чувство, что он покидает Родину навсегда... И на глаза старика навернулись слёзы. Но он поспешно выкинул грустные мысли из головы и решил сном скоротать время полёта.

Самолёт летел на высоте десять тысяч метров. В иллюминаторе расстилались заснеженные поля облаков. Любуясь красотами неба, Литвинов сомкнул уставшие глаза. И снились ему картины давно минувшего прошлого...

Он видел добрую улыбку на лице своей первой жены Катерины, маленькую весёлую девочку – дочку Лизу. Когда-то у него была прекрасная семья, и он любил свою работу в Новосибирском НИИ¹... Всё изменил один злополучный вечер. Он пьяным возвращался с банкета, сон сморил его, и тогда

¹ НИИ – научно-исследовательский институт (прим. авт.).

машина съехала с дороги и врезалась в бетонный столб... Тяжёлая черепно-мозговая травма! На грани между жизнью и смертью провёл он несколько часов, пока врачи делали сложную операцию...

«Операция проведена успешно, но его состояние тяжёлое», – сообщил врач взволнованной Катерине. Литвинов погрузился в безмятежный сон комы, и три долгих месяца не отходила от него жена. Она одна верила в его возвращение, сидела рядом, не выпуская руки его, и разговаривала с ним. Говорят, тот день, когда он открыл глаза, был самым счастливым в её жизни!

Увы, радость продлилась недолго. Пробуждение оказалось слишком тяжёлым! Катерина утонула за считанные дни. Литвинов потерял жену, а маленькая Лиза лишилась матери... Но на этом беды не закончились. Вскоре странная череда смертей потрясла институт... Один за другим на тот свет отправились десять человек с посмертными диагнозами: инфаркт, инсульт, рак... Литвинов был хорошо знаком с этими людьми, – даже более того, он работал с ними в одной лаборатории. Сия горькая чаша обошла стороной только его одного...

Тогда Литвинова вызвали повесткой в прокуратуру. Следователь задал ему несколько формальных вопросов и потом отпустил на все четыре стороны, а дело прекратили за отсутствием события преступления. Перед законом Литвинов был чист, но на душе у него кошки скребли! Он уговорил

свою тётку взять Лизу на воспитание...

Лабораторию вскоре закрыли, а Литвинов занялся преподавательской деятельностью... Работа помогла ему пережить боль утраты любимой женщины. Время лечит; он связал себя узами брака во второй раз. Новая жена была моложе его на пятнадцать лет, но не смогла заменить ему Катерину. И вот прошёл год, она заболела и умерла...

В марте 1988-го года Литвинов отправился в заграничную командировку на конгресс кибернетиков социалистического лагеря. Уважаемому гостю из Советского Союза предоставили добротный номер в берлинской гостинице. Вечером накануне первого дня конгресса Литвинов, сидя за столом, сочинял свою речь. Вдруг дверь, которую он закрывал на ключ, распахнулась, и появился человек в тёмном плаще...

Литвинов обомлел, приподнялся со стула и несмело промолвил:

– Кто вы?

– Неважно, кто я, – сказал незнакомец по-немецки, – важно, кто вы, мистер Литвинов! Кто вы и что вы... В вас заключена энергия, что делает вас иным, не таким, как все. Но вы не умеете пользоваться ею! От этого и все ваши беды...

Литвинов мелкими шажками подходил к незнакомцу:

– Что вы знаете обо мне?

Тот улыбнулся и заговорил по-русски:

– Мы знаем о вас всё! Знаем о вашей работе, об аварии, в которую вы попали, о череде смертей, что не отпускают вас и поныне...

Литвинов побледнел:

– Кто вам сказал? Вы не можете этого знать! А как же «железный занавес»?

– Мистер Литвинов, мы видим сквозь любые преграды! И ничто нас не остановит...

– Да кто вы такой? – вспыхнул Литвинов. – Отвечайте, иначе вызову охрану...

– Вы этого не сделаете, если хотите получить ответы на вопросы, что терзают вашу душу. Берите, – незнакомец протянул конверт. – Там адрес, по которому вы обратитесь в Нью-Йорке...

– Но я не собираюсь в Америку, – начал Литвинов, разглядывая конверт.

Он поднял глаза, огляделся, но незнакомца и след простыл...

Литвинов очнулся... Миловидная стюардесса объявила:

– Уважаемые дамы и господа! Наш самолёт заходит на посадку, пристегните ремни...

Самолёт из Москвы совершил посадку в аэропорту имени

Джона Кеннеди.

Паспортный контроль остался позади; недоброе предчувствие кольнуло в сердце: Литвинов спешил покинуть здание аэропорта. Он оглянулся и увидел двоих, что пробирались к нему сквозь толпу... Литвинов мгновенно понял, кто они, и, недолго думая, рванул к выходу, сбивая прохожих на бегу. В ту минуту он забыл обо всём на свете и не замечал ничего, кроме дверей, за которыми было спасение...

Литвинов выбежал из аэропорта и устремился к стоянке такси. Внезапно чёрная машина вылетела наперерез и остановилась у самых ног его. Старое, покрытое крупными морщинами, лицо выглянуло из салона автомобиля:

– Садитесь. Если жить хотите...

Литвинов, не теряя времени на раздумья, прыгнул в машину. Двигатель зарычал... Литвинов, переводя дух, оглянулся и увидел двоих, что гнались за ним. «Самое время пострелять», – подумал он.

– Не беспокойтесь, – словно отвечая на его мысли, произнёс водитель автомобиля, – погони не будет! Шумиху поднимать они не станут...

Литвинов заметил, что незнакомец в перчатках, и спросил:

– Кто вы?

– Меня зовут Джеймс Стивенсон, а вы гость из России Александр Литвинов. Я очень рад с вами познакомиться!

– Вы знаете меня? Вы – из организации?

Стивенсон промолчал.

«Ничего, я и так всё узнаю!» – подумал Литвинов, но встретил на своём пути непреодолимую высокую стену. Тогда он смутился и повторил свой вопрос:

– Откуда вы знаете меня?

– Я когда-то работал на организацию, – мрачно проговорил Стивенсон. – И видел вас на фотографии...

– О чём это вы? – удивился Литвинов.

– Я вам всё расскажу... в своё время, – вздохнул Стивенсон. – Знайте, что я вам хочу помочь!

Литвинов с сомнением тряхнул головой:

– Почему я вам должен верить?

– А у вас есть выбор? Наберитесь терпения! Приедем в безопасное место, и вы всё узнаете... А ваши способности на меня не действуют! – усмехнулся Стивенсон.

– Вам опасно находиться рядом со мной! – заметил Литвинов, немного подумав. – Если вы работали на организацию, то должны знать, что от меня исходят смертоносные волны...

Стивенсон достал из кармана некий предмет:

– Внутри этого контейнера находится особая микросхема, соединённая с обычной круглой батареей. Прибор подавляет любые радиосигналы, а также электромагнитные волны, – в радиусе пятидесяти метров...

Автомобиль остановился у старой обветшалой гостиницы

под вывеской «Дома у Гарри».

– Это и есть то самое безопасное место? – любопытствовал Литвинов.

– Оно, – улыбнулся Джеймс Стивенсон. – Хозяин сего заведения мой старинный друг. Мы с ним знакомы с тех самых пор, когда вас ещё на этом свете не было...

«Я очень сомневаюсь в этом!» – подумал с усмешкой на губах Литвинов.

– А самое главное, – продолжал Стивенсон, – Гарри совсем не волнует прошлое, настоящее и будущее своих постояльцев. Да не беспокойтесь вы – всё будет хорошо! Номера скромные, но чистые...

Стеклянная дверь скрипнула, колокольчик наверху звякнул. Они вошли в отель под вывеской «Дома у Гарри». Это была типичная американская придорожная гостиница, которая с грехом пополам набирала две звезды комфорта. Но Литвинова это ничуть не смущало. Он был непривередлив в быту, родился в голодное послевоенное время, изведал на себе все прелести советской жизни с её дефицитом и очередями, не купался в роскоши и в более поздние годы...

Из-за ширмы вынырнул старичок лет шестидесяти на вид. Хозяин гостиницы улыбнулся и протянул руку Джеймсу Стивенсону.

– Здравствуй, Гарри. Как твои дела?

– Неважно, – скривил уродливую гримасу Гарри, – посто-

альцев уже вторую неделю нет...

– Ты не печалься. Вот человек, о котором я тебе говорил, – Стивенсон кивнул на Литвинова.

– Как же помню: русский! – Гарри окинул гостя тяжёлым взглядом. Литвинов нахмурился, встретив ту же глухую стену на своём пути...

– Устрой нашего гостя удобней, Гарри, – с улыбкой на губах промолвил Стивенсон.

Литвинов получил ключ от номера «123». Они поднялись по лестнице на второй этаж.

– В былые времена, – рассказывал Джеймс Стивенсон, – у Гарри было много клиентов, а теперь много конкурентов! Между нами говоря, у него часто останавливаются люди, у которых проблемы с законом...

– Что вы ему рассказали обо мне? – спросил Литвинов.

– Вы можете доверять Гарри, как мне! – отозвался Стивенсон.

– Да с чего бы это? – усмехнулся Литвинов.

Стивенсон угрюмо промолчал.

Они очутились в убогой комнатухе, в которой из мебели была только двухместная кровать да письменный стол у окна. Из-за двери открылся вид на крохотную ванную с душем.

– И это лучший номер? – засмеялся Литвинов.

– Видимо, Гарри понял меня по-своему, – нахмурился Стивенсон. – Я скажу ему. И он даст вам ключи от другого номера.

– Не стоит, спасибо вам и на этом, – возразил Литвинов. – Вы мне обещали...

– Да, я помню, – вздохнул Стивенсон. – От вас ничего не утаишь!

Он опустился на кровать и начал свой рассказ, больше похожий на...

Глава третья. Исповедь

Родился я в небольшом городке в штате Мэн. Мой отец был учителем в местной школе, мать работала прачкой. Я рано потерял родителей. Отца убили на войне в Европе...

– На войне? – переспросил Литвинов.

– Да. Мой отец погиб на полях Первой мировой войны, – повторил рассказчик.

– Вы шутите или врётё? – усмехнулся Литвинов.

– Я говорю вам правду. В 1910 году я родился...

– Стало быть, теперь вам... – Литвинов посчитал в уме. –

Вы неплохо сохранились для своего возраста!

– Да и вы выглядите моложе своих лет! – заметил Стивенсон и продолжал рассказ. – В семь лет я остался без отца. Мать умерла зимой 1919 года, когда вместе с вернувшимися домой солдатами в Америку пришла эпидемия гриппа, вошедшая в историю как «испанка». На похороны из Чикаго приехала тётя, мамина сестра. Она пожалела меня, круглого сироту, и взяла к себе на содержание. Так, я оказался в городе небоскрёбов...

Тёте я обязан всем, – она оплатила моё обучение в школе. Я, правда, смутно помню те годы... Согласитесь, прошло немало времени. Краешком уха слышал о «сухом законе», о бутлегерах², гангстерах и жил в твёрдой уверенности, что зло

² Торговцы алкоголем в США в 1920 годы – прим. авт.

не коснётся меня. Пробуждение от сладких грёз было слишком тяжёлым...

А всё началось с того, что в выпускном классе я влюбился в свою одноклассницу по имени Эллис. Я долго не решался пригласить её на свидание. А когда сделал это, и она согласилась, мы пошли в кафе. Едва только сели за столик, в помещение ворвались люди с пулемётами и открыли огонь... Хозяин заведения и несколько посетителей погибли мгновенно. Ни я, ни Эллис не пострадали. Я глядел в глаза гангстеру: зловещая улыбка играла на лице его. Страх переполнил моё сердце, я забыл об Эллис и сидел, боясь шелохнуться... Когда гангстеры скрылись, с моей девушкой случилась истерика. Приехала полиция... Пережитое натолкнуло меня на мысль о выборе профессии. Сомнений не осталось – я буду полицейским.

Годы обучения в школе полиции пришлось на непростые времена. Я помню тот день, когда произошёл крах Нью-Йоркской биржи. Так уж случилось, в тот день я стал мужчиной. Когда тётя уехала из города по делам, я пригласил Эллис домой... Тот день изменил жизнь Эллис и разлучил нас. Её отец – крупный банкир вскоре разорился и выбросился из окна своего офиса... Эллис уехала в Европу к родственникам. С тех пор я её не видел...

По окончании школы полиции я поступил на работу в Чикагское полицейское управление. Но лишь на третий год

службы меня допустили к расследованиям...

– Аль Капоне, случайно, не вы поймали? – затаив улыбку в уголках губ, осведомился Литвинов.

Джеймс Стивенсон усмехнулся:

– Его посадили ещё до того, как я пришёл на службу в полицию! Но я продолжу. На улицах города орудовали банды головорезов. Казалось, преступный мир объявил войну правительству США. И тогда в дело вступили агенты из Бюро расследований³ В отличие от полицейских, федералы с гангстерами не нянчились, объявив их врагами общества. Джона Диллинджера, прославившегося грабежами банков, они расстреляли перед кинотеатром, не предложив ему сдаться... И так по всей стране. Жестокое было время, беспощадны были преступники. В память о той эпохе на моём теле сохранились шрамы от пуль, полученных в погонях за гангстерами... Не раз врачи вытаскивали меня с того света. Совместными усилиями полиции и Бюро удалось нанести решающий удар по преступному миру...

Во времена «Великой депрессии» ежедневно от голода умирали тысячи людей! Кто-то в малодушии кончал жизнь самоубийством, иные выбирали преступный путь или посылали детей воровать, чтобы выжить. Я помню, мы расследовали серию убийств с ограблениями. Преступника вскоре

³ В будущем ФБР – прим. авт.

поймали. На допросе он во всём признался.

– Зачем вы убивали людей? – спросил я у него.

– Я не мог рисковать, – отвечал он, – у меня девочки...

Как они без меня? Отпустите меня к ним!

Взгляд этого человека привёл меня в смущение. Жена его умерла при родах, а он остался один с пятью малолетними детьми на руках. Спустя месяц его казнили на электрическом стуле, а девочек отправили в приют...

Суровые, мрачные были времена! Нищета захлестнула штаты, богачи разорялись, расставались со своими капиталами. На этом фоне выделялся чикагский миллионер Брайан Адамс, который однажды заявил в полицию о пропаже своей дочери...

Это дело поручили мне. Я побывал в загородном особняке миллионера Адамса. При осмотре комнаты его шестнадцатилетней дочери на подоконнике я обнаружил следы от ботинок, какие носили в те времена подростки. «Должно быть, девушка сбежала из дома со своим бойфрендом, – предположил я. – В этом возрасте такое происходит сплошь и рядом!»

Пока я осматривал комнату девушки, хозяину дома позвонили похитители с требованием выкупа. Моя версия разбилась вдребезги. Убитый горем отец собирал деньги.

В ту ночь я засыпал с мыслями об этом деле и во сне видел тёмный подвал. На полу, прислонясь к стене, сидели двое связанных подростков. На их головы были надеты мешки...

Потом подошёл мужчина и сдёрнул один из тех мешков. Девушка, точь-в-точь как на фотографии в доме миллионера Адамса, с испугом взглянула на него, но не могла ничего сказать из-за кляпа во рту. Между тем, мужчина, гнусно улыбаясь, что-то говорил и гладил её по голове. Лицо того человека мне показалось знакомым... Он обернулся, накинул девушке на голову мешок и поспешно ушёл...

Лицо похитителя отпечталось в моём сознании. Утром в управлении я долго листал нашу картотеку. Наконец, поиски увенчались успехом, я увидел фотографию мужчины, который был в моём сне. Известный вор по кличке Кот, он недавно освобождён из тюрьмы. Я вошёл в кабинет шефа, но у него был посетитель.

– Заходи, Джим, – сказал шеф, – мистер Смит из Бюро расследований забирает дело похищения дочери Брайана Адамса...

Мистер Смит поднялся мне навстречу, – с протянутой для пожатия рукой.

– Но... – я в негодовании качнул головой. – Я подобрался к ним вплотную!

– И что же вам известно о похитителях? – любопытно спросил мистер Смит.

– Один из них – вор, рецидивист по кличке Кот...

– Откуда у вас такие сведения? – спросил, изучая меня, федерал.

«Он мне не поверит», – подумал я и промолчал; а потом вышел из кабинета шефа и отправился на поиски этого Кота...

На звонок никто не вышел, и тогда я выломал дверь. В доме было пусто и не убрано. Кругом – пыль и грязь.

Да, снова я допустил ошибку! Приходилось всё начинать сначала. Я сел на старый потёртый диван. Но стоило мне коснуться подлокотника рукой, как предо мной явился тот самый тёмный подвал... Я увидел лысого человека с щетиной на лице, перекошенном от гнева. Он что-то кричал, но слов его я не сразу смог разобрать:

– Как она развязала верёвку? Кот, смотри, я вычту из твоей доли... С ними надо кончать! Девка видела моё лицо. А этот придурок вообще ничего не стоит! Он из рабочей семьи... Звони папаше, пускай приносит деньги сегодня в восемь часов.

Кот скривил губы в презрительной усмешке:

– Не следует торопиться, Джонни, прикончить их мы всегда успеем... – с моих губ слетели эти слова, и я очень удивился... Картинка подвала пропала. «Они их убьют, – понял я, – убьют, когда получат деньги, а до тех пор будут прикрываться ими как живым щитом! Что же делать?»

Я закашлялся от сигаретного дыма, которого с детства не переносил, и увидел перед собой улицу, а по другую сторону её – деревянный жилой дом. Этот Кот курил... и предавался сладким грёзам. Он мечтал о той минуте, когда Джонни

отдаст ему девчонку. Со сладострастной улыбкой на губах он бросил окурок на землю, а потом оглянулся по сторонам. На мгновение его взгляд остановился на стене с табличкой «113-ая улица дом №2».

Через полчаса я стоял под дверью дома по 113-ой улице и подумал, что не мешало бы узнать, чем они вооружены. Я взялся за дверную ручку и... увидел комнату. Кот сидел за столом и жевал гамбургер, запивая его пивом из бутылки. Я слышал мысли его сообщника: Джонни мечтал о Париже, представлял себе общество длинноногих блондинок, свои похождения и красивую жизнь в гостиницах и лучших ресторанах французской столицы...

«Пора действовать!» – решил я и постучал в дверь. Джонни выхватил револьвер и поглядел на Кота, который, перестав жевать, подошёл к окну и, глядя сквозь занавеску, проговорил:

– Там мужик какой-то. Я узнаю, что ему нужно.

– Не дёргайся! – сказал Джонни. – Если не коп, сам уйдёт...

Я снова постучал.

– Настырный тип, не уходит, – злобно проговорил Джонни. – Будь начеку!

Дверь приоткрылась, выглянуло мужское небритое лицо.

– Я ищу дом Симпсонов, у них сегодня юбилей... Не знаете, где они живут?

– Не знаю, – грубо сказал Джонни и попытался захлопнуть дверь. Тогда я пнул её ногой, а Джонни шарахнулся и выронил оружие. Прозвучал выстрел... С пробитой грудью он рухнул на пол. Я выхватил револьвер из кармана продырявленной куртки; вторая пуля настигла Кота... Когда с преступниками было покончено, я спустился в подвал и нашёл там связанных подростков...

Брайан Адамс вырос в бедной рабочей семье. Легенды ходили о том, как ему удалось открыть своё дело. Поговаривали, что он заключил сделку с самим дьяволом. Но это не более чем досужие слухи. Его ткацкая фирма шила военную униформу, а в годы мировой войны он открыл оружейные заводы и сколотил свои капиталы, продавая винтовки воюющим странам...

Помню, в тот день он спросил, что я хочу в награду за спасение его дочери. В ответ я скромно сказал, что всего лишь выполнял свой долг.

Вскоре я получил звание лейтенанта...

Через пару лет шестидесятилетнего миллионера Адамса не станет... А однажды ко мне придёт молодой человек по имени Джеймс Кинг... Но не будем забегать вперёд, – обо всём по порядку!

После того как я открыл в себе способность к ясновиде-

нию, моя жизнь завертелась яростным вихрем погонь и приключений. Зачастую уже на месте преступления я определял, где находится человек, его совершивший! «По горячим следам» я ловил убийц, грабителей, гангстеров... Иногда не удавалось установить точный адрес, и тогда я по деталям мог сузить район поисков. Работал в одиночку без напарника; шеф называл меня лучшим в управлении и ставил в пример остальным, что вызывало зависть у сослуживцев. Но я был так поглощён работой, что меня это не беспокоило...

Мои противники были вооружены и особо опасны. Но долгое время мне сопутствовал успех. И когда я зазнался, Господь покарал меня...

Я охотился за бандой, грабившей банки. И вскоре нашёл её логово, но бандитов оказалось больше, чем я думал (я видел только одного из них). Помню, как прикончил двоих, даже успел подумать: «Как всегда, пронесло!» – и как раз в этот миг прозвучал выстрел... В живот кольнула острая боль, а потом я почувствовал удар по голове. Сразу в глазах потемнело, ноги подкосились, – я рухнул на пол и перед тем, как потерять сознание, услышал, как кто-то выбежал из помещения...

Помню, я приоткрыл глаза и увидел смуглого человека, похожего на итальянца. Он сидел возле меня на корточках и, таинственно улыбаясь, говорил:

– Пуля прошла навывлет. Я заштопал рану! Всё будет хо-

рошо. Но знайте – время расплаты придёт! И я пошлю к вам своего помощника...

Он коснулся меня рукой, и снова всё вокруг поплыло перед глазами... Когда я пришёл в сознание, увидел трупы и вспомнил, что случилось. Я оглядел себя: рубашка была продырявлена и вся запятнана кровью, но раны на теле не оказались... Это было чудо. Настоящее чудо!

– Сколько человек вы убили, стреляя без предупреждения? – осведомился Литвинов.

Стивенсон помрачнел и, опустив глаза, проговорил:

– Наши враги были жестокими и коварными. А я знал, что они задумали...

– Я себе это так представляю, – возразил Литвинов. – Вы казнили людей без суда и следствия. Даже чекисты НКВД ничего подобного не практиковали!

– Вам не довелось жить в Америке 30-х годов! – повысил голос Стивенсон.

– Я не жил в Америке 30-х годов, я родился позднее и в другой стране, в которой не твердили о правах личности, но чтили святость общности...

– Слова из рассказа не выкинешь, – да, это было так, но не вам судить меня, а одному лишь Богу!

– Ну, конечно, – хмыкнул Литвинов.

– Убитых преступников было больше, чем пойманных. Я попал в поле зрения отдела внутренних расследований, но за

меня заступились. Я выпутался! А вскоре перебрался в Нью-Йорк, чтобы начать свою жизнь с чистого листа.

Первым делом я надел перчатки и поступил на службу в городское полицейское управление...

– Не понимаю, как работает ваша способность, – прервал рассказчика Литвинов.

– Я по энергетическим отпечаткам людей определяю их место нахождения... Да будет вам известно! Человек – это сгусток энергии, и повсюду за ним тянется невидимый шлейф. Я касаюсь предмета, на котором запечатлён чей-то след, и нахожу его обладателя...

– А как насчёт покойников? – сказал Литвинов.

– Простите? – переспросил Стивенсон.

– Если след оставлен человеком, впоследствии умершим, что вы видите тогда? – любопытно спросил Литвинов.

– Всё-таки вы, русские – любознательный народ! Американцу таких мыслей в голову не придёт, – улыбнулся Стивенсон. – Отвечаю на ваш вопрос: следы мертвеца исчезают, и я их не вижу... Но я продолжу. В Нью-Йоркском полицейском управлении я не был лучшим, но меня это не огорчало.

Вскоре я встретил девушку своей мечты. Мэри... Моя несравненная Мэри! Она была из католической ирландской семьи, скромная, набожная и добрая девушка. Такие уже в те годы были редкостью, а в более позднее время – и подавно! Мы поженились... А вскоре она родила мне сына Вильяма.

Это было лучшее время моей жизни!

Между тем, в Европе началась новая война, а я был влюблён в свою жену и души не чаял в сыне. Остальное меня мало волновало: всегда в мире где-то стреляют, а люди умирают...

Однако после налёта японцев на Перл-Харбор Америка вступила в войну. Я состоял в резерве, и мне совсем не хотелось покидать дом, в котором обрёл долгожданное счастье. Но год спустя я оказался в Касабланке...

После разгрома немцев и итальянцев в Тунисе батальон, где я служил, оставили в Африке. И пока бои шли в Италии, мы загорали на солнышке в Марокко. Потом нас перебросили в Англию...

«День Д» 6 июня 1944 года⁴ я не забуду никогда!

Рассказчик остановился и покачал головой, глядя куда-то вдаль грустным взором.

– Помню, забрезжил рассвет. Море волновалось, на воду лёг туман, дым шёл с берега...

Мы подходили к скалистым пляжам Франции, но отклонились от курса и попали под обстрел. Взрывом снаряда подняло столб воды слева от нашего борта. Лодки ткнулись в отмель, и мы прыгали в воду. Немцы открыли шквальный огонь...

Пуля прожужжала и больно ужалила меня в плечо. Ми-

⁴ День начала операции «Оверлорд», высадки союзных войск в Нормандии – прим. авт.

номётным снарядом убило троих солдат из моего отряда. Я обернулся и увидел продырявленную каску и падающее в воду тело лейтенанта... Поредевшие ряды батальона ступили на горящий французский берег. Не стихал пулемётный огонь. Пули свистели не переставая. То тут, то там рвались снаряды, поднимая к небу груды песка и пыли. Попеременно раздавались пронзительные крики. Падали люди. Я видел истекающего кровью солдата, который, сидя на земле у горячей воронки, держал в руках и разглядывал свою оторванную миною ногу...

Я скатился в траншею и встретился глазами с немецким юношей. Подросток, мальчишка... У него, видимо, заклинило винтовку. Я хлестнул его по горлу штык-ножом. Кровь брызнула из разорванной артерии и залила мне лицо. Юноша рухнул на колени и повалился набок. Его перекошенный от страха взгляд я запомнил на всю жизнь. В тот день я не испытывал жалости к врагам, жажда мести преисполняла сердце моё...

Я убивал, но чувствовал досаду. И только! В душе росла пустота...

– А вы знаете, – снова прервал рассказчика Литвинов, – что средняя продолжительность жизни солдата в Сталинграде была двадцать четыре часа, а погибло в этом городе советских людей больше, нежели потеряла Америка за все годы войны? Если бы вы осенью 42-го попали в разрушенный

Сталинград, вы бы узнали, что такое ад!

– Вы зря думаете, что я не слышал о Сталинграде и беспримерном мужестве его защитников... А моим Сталинградом стал день начала операции «Оверлорд»!

Но вот война окончилась. Я вернулся к своей семье. Пять последующих лет были продолжением прерванного войною счастья. «Пусть будут преступники, гангстеры, погони, – думал я, – главное, чтобы войны больше не было!». В газетах писали, что Советы готовят нападение на США. А вскоре у вас появилось своё атомное оружие, и это известие всколыхнуло Америку! После выступления сенатора Маккарти все поверили, что повсюду советские шпионы. В душах американцев на долгие годы поселился страх. Началась «охота на ведьм», а противостояние в Корее грозило перерасти в новую мировую войну...

Тем временем, Мэри подарила мне второго сына, которого мы назвали Стивеном в честь её отца...

– Не могу не задать этот вопрос, – улыбнулся Литвинов. – Вы... лично вы ненавидели русских?

– А вы любите людей, которые нарушают покой вашего дома? Думаю, что нет! Мы боялись коммунистов как зло, которое посягает на наш образ жизни, на нашу свободу. Страх плавно перетекает в ненависть...

– Недурно вашему поколению промыли мозги, – усмехнулся Литвинов.

– В тот день, – продолжал Стивенсон, – Мэри с детьми уехала к своей матери в Бруклин. Раздался стук в дверь. Я пошёл открывать. На пороге стоял молодой незнакомец.

– Здравствуйте, мистер Стивенсон, – улыбнулся он. – Мы с вами встречались. Но это было давно, даже, кажется, что в другой жизни...

Я недоумённо пожал плечами:

– Не припомню, где бы мог вас видеть?

– Может, вы помните человека по имени Брайан Адамс, дочь которого спасли от рук преступников?

– Вы его знали? – спросил я.

Незнакомец улыбнулся:

– Я и есть Брайан Адамс!

– Вы шутите, милейший? Брайан Адамс умер, будучи стариком!

– В это трудно поверить, но... Я вернулся...

Я подумал, что этот человек смеётся надо мной, и попытался закрыть дверь. Но он ногой помешал мне:

– Вы способны находить людей по энергетическим следам... Хотите, чтобы я всему миру поведал вашу тайну?

Я обомлел:

– Этого никто не может знать!

– Кроме того, кто побывал на том свете... – усмехнулся он.

– Не могу в это поверить!

– А ты попробуй, Джеймс! Может, всё-таки впустишь меня в дом?

Он прошёл в гостиную и по-хозяйски сел на диван.

– Моё новое имя – Джеймс Кинг, теперь мы с тобой тёзки.

И я никогда не забуду того, что ты сделал для моей Хелен...

– Неужели это и вправду вы?

– Невероятно, но факт! – он встал и обнял меня. – Джим, дружище, как я рад видеть тебя! Ты, конечно, хочешь знать, как это стало возможно... Я тебе вот что скажу: всё, что было в той жизни, мелко и ничтожно. У меня были деньги, которые я боялся потерять. Теперь всё изменилось, и началась настоящая жизнь... Я вошёл в круг людей, обладающих силой и властью, какие не снились и Рокфеллерам⁵ с их капиталами и могуществом.

– О ком вы говорите?

– Это планетарный интеллект, сила, управляющая миром! Джим, ты необычный человек. У тебя есть способность, что делает тебя особенным. Но отныне знай, что ты не одинок. Мы готовы принять тебя в свою дружную семью! Мы служим всеобщему благу, мы делаем жизнь на планете лучше, мы бо-

⁵ Джон Дэвисон Рокфеллер – первый миллиардер в истории человечества, нажил свой капитал в нефтяном бизнесе, основал трест «Стандарт Ойл Компани». Помимо нефти, занимался банковской деятельностью, и в 1913 году 12 банков Рокфеллера объединились в Федеральную резервную систему США (Частный Центральный банк Америки). Его многочисленные потомки до сих пор активно влияют на политику этой страны (прим. авт.).

ремся с несправедливыми режимами, наши учёные находят лекарства от болезней, которые в прежние времена уносили миллионы жизней, мы ищем эликсир бессмертия. Мы движем науку вперёд и способствуем прогрессу экономики, чтобы на Земле не было голодающих. Мы просвещаем и учим людей быть свободными...

– Вы работаете на правительство?

– У нас одни цели с правительством США, – уклончиво отвечал он. – И одни враги! А враг номер один современной Америки – коммунизм... Ты сочувствуешь Советам, Джим?

– Что вы? – возмутился я. – Если бы я только мог помочь правительству в борьбе с ними!

– Тебе ещё представится такая возможность, – улыбнулся он. – Коммунизм – это зло, которое угрожает всему цивилизованному миру! А у тебя есть талант, который ты зарываешь в землю вместо того, чтобы обратить его на службу людям...

– Я служу людям... в полиции!

– Джим, я говорю тебе совсем о другом. Многим ты поможешь в своей полиции? Ты способен на великие дела в масштабах страны и всего мира... Главное, верь в себя! И пусть ненависть к Советам тебя вдохновит. Помоги нам в борьбе с коммунистами, а благодарить мы умеем! Да, кстати, тебе передавал привет тот, кто спас твою шкуру в Чикаго... А долг платежом красен!

Я вспомнил день своего чудесного избавления:

– И он с вами? Кто же он?

– Ты его увидишь в своё время... Мне важно твоё согласие служить общему благу!

– Что я должен делать?

– Вот это деловой разговор! Завтра придёт человек, который даст тебе все необходимые инструкции. И помни – никому ни слова о нашем разговоре!

– Даже жене?

– Ей – в первую очередь!

На следующий день я впервые увидел Ричарда. Пронзительный взгляд этого человека я узнал бы из тысячи!

– Вы должны найти его, – он протянул мне фотографию с бородатым мужчиной в пиджаке и галстук.

– Кто это? – спросил я.

– Не ваше дело, – грубо отвечал Ричард. – Это советский шпион...

– А как мне его найти? По одной лишь фотографии?

– Не стоит недооценивать технический прогресс! – сказал Ричард. – Фотография – отпечаток личности человека. Вам ничего больше не нужно...

– Как мне с вами связаться?

– Мы сами найдём вас, – отвечал Ричард и попрощался со мной.

Я впервые за долгие годы снял перчатки, чтобы найти человека... В видении был незнакомый город, и люди говорили на непонятном языке... Моя способность не помогла мне

и только породила новые вопросы!

Я обедал в кафе напротив полицейского управления; за мой столик подсел Ричард.

«Они следят за мной?» – подумал я, приветствуя его.

– Нет, – отвечал он на мои мысли, – мы не следим за вами, но знаем, где вы бываете. Как ваши успехи?

– К сожалению, пока порадовать вас нечем...

Ричард равнодушно выслушал меня и сказал:

– В Центре найдут решение, дайте нам немного времени...

– Что еще за Центр? – переспросил я, но он не ответил.

– Решение найдено! – объявил Ричард неделю спустя. – Мы с вами отправляемся в Роли, штат Северная Каролина, где вы пройдёте курс обучения иностранным языкам и географии...

– А как же моя служба, семья?

– Решать вам, мистер Стивенсон, да предлагаем мы только один раз...

Ричард достал чемодан, который оказался доверху набит пачками долларов:

– Это аванс за вашу будущую работу. Такую сумму вы и за десять лет в полиции не заработаете!

Я долго не мог оторвать взгляда от чемодана с деньгами. Сомнение на миг овладело мною, но я поспешил успокоить себя мыслью: «А что может быть плохого в изучении ино-

странных языков?» – и... согласился.

Я принёс чемодан домой и показал жене:

– Меня приняли на работу в одно правительственное агентство, и мне надо уехать в командировку...

Мэри заплакала от радости, бросилась мне на шею и прошептала:

– Теперь мы сможем дать хорошее образование нашим мальчикам! Когда ты приедешь?

– Командировка может затянуться на год...

– Так долго? – вмиг помрачнела она.

– Не печалься, родная, – утешал я её, – эти деньги послужат на благо тебе и детям, а я скоро вернусь...

В Роли мы приехали поздно вечером, вошли в большое офисное здание, спустились на боковом лифте на подземный этаж, и я оказался в комнате, которая стала мне домом на добрых пять лет...

Рано утром раздался стук в дверь. На пороге стояла красивая молодая женщина. Её звали Милена, она сказала, что будет учить меня русскому языку. Мы вместе завтракали, а она мне называла русские слова, обозначающие столовые приборы и продукты питания. Когда же я не смог повторить их, жестоко отчитала меня:

– Привыкайте, теперь вы будете учиться 24 часа в сутки!

Я понял, что зря расслабился: хрупкая с виду девушка, а характер львицы!

На протяжении года я спал не более двух часов в сутки, запоминал и записывал новые слова. Язык давался мне с великим трудом. Милена разговаривала со мной только по-русски. Мы вместе прогуливались по улицам и паркам города, заходили в магазины. У нас завязывались длинные диалоги. Мне стало доставлять удовольствие общаться на иностранном языке. Но она улыбалась, слушая меня. Я спросил у неё об этом, и она отвечала:

– Русские бы подняли вас на смех с таким произношением.

Когда я подправил свой русский, учительница, с которой я привык проводить время, исчезла из моей жизни так же внезапно, как и появилась в ней...

– Вы испытывали к ней чувство привязанности? – полюбопытствовал Литвинов.

– Она была лет на двадцать моложе меня. И у нас с ней ничего не было (если вы об этом). Да и не мог я забыть о своей жене! Я бы никогда не изменил ей! Мне казалось, что мы с Миленой друзья...

– Вы считаете возможной дружбу между мужчиной и женщиной? – улыбнулся Литвинов.

– Отчего же нет? – нахмурился Джеймс Стивенсон.

– Рано или поздно в дружбу вторгается плотская страсть!

– Видимо, вам лучше знать... Но я продолжу. У меня было немало преподавателей иностранных языков, но запом-

нил я одну Милену. Мне давали уроки географии и показывали ознакомительные видеофильмы. Проносились перед глазами улицы, площади, здания, парки и скверы городов мира. По окончании обучения я сдавал экзамены...

Незаметно летело время! Я тосковал по семье, представлял, как подрастает Билли, как Стивен делает первые шаги, и с грустью понимал, что его первое слово будет не «папа». Я не мог звонить домой, мне не разрешалось покидать Роли, а друзей в городе у меня не было... Учёные, которых я видел в центре, со мной не общались. Это были весьма странные молчаливые люди!

Меня отпустили домой лишь тогда, когда я с пятой попытки сдал все экзамены на «отлично».

Мэри бросилась мне на шею и разрыдалась в голос:

– Почему ты нас бросил?

У меня сердце кровью обливалось... Я не узнал своих сыновей. Билли поступил в Старшую школу. Он встретил меня холодно, словно чужого человека. Стивен и вовсе долгое время стеснялся меня. Но больше всех удивляла Мэри. Взгляд её выражал решительность, какой не было прежде! На деньги, оставленные мною перед отъездом, она открыла ресторанный бизнес и купила «форд». Я чувствовал свою вину...

Восстановился на службе в полиции. Но изо дня в день ожидал известий от Ричарда... Однако время шло, а ничего в моей жизни не менялось. Я уже думал, что обо мне забыли,

но однажды в парке ко мне подошёл человек и сказал:

– Я от Ричарда. Это вам, – он протянул конверт и скрылся из виду... В конверте оказались фотография и записка: «Завтра ровно в шесть в сквере на том же месте». Мужчина на фотографии не был похож на советского шпиона. Впрочем, я не знал, как выглядят шпионы. Я нашёл его в Германии, в Мюнхене...

– Хорошо, мы проверим, – равнодушно проговорил человек от Ричарда, – вам новое задание...

Во втором конверте лежало две фотографии. Число разыскиваемых лиц росло в геометрической прогрессии! Это были весьма странные шпионы, которые думали о формулах и уравнениях и никогда не помышляли о борьбе с правительством США. Мне было несложно находить их, но безотчётное чувство тревоги не покидало меня...

Я помню дни Карибского кризиса 62-го года... Советский Союз вероломно разместил ракеты на Кубе, мир оказался на грани ядерной войны. Последние сомнения, что оставались у меня, и те пропали. Я выкинул все лишние мысли из головы и стал жить жизнью человека, у которого есть всё для счастья: семья, дом и деньги...

Билли учился на юриста в Принстоне, штат Нью-Джерси. Он был моей гордостью, и я хотел ему сказать об этом, но всё откладывал на потом, а в 65-м году Билли забрали в армию. Мэри зарыдала, когда узнала, что его отправляют во

Вьетнам.

– Ничего, мужчина должен защищать свою страну! – говорил я. – Скоро он будет дома, война долго не продлится, вот увидишь.

Материнское сердце чуяло беду. Билли не вернулся с той войны! Его тела так и не нашли, – он числился среди пропавших без вести...

А год спустя случилась ещё одна беда. Стивен учился в выпускном классе, но однажды он исчез... Полгода мы его искали, а когда уже отчаялись найти, он явился сам. Но узнать его было непросто. Он отрастил волосы, на нём были разноцветная майка и потёртые джинсы... Мэри, рыдая, обнимала его, а я не сдержался:

– Где ты был, мерзавец?

– В коммуне... – отвечал он, опустив глаза.

– Что за бред ты несёшь? – вскричал я. – Смотри на меня, щенок!

Стивен вырвался из объятий матери и решительно направился к двери. Я схватил его за руку, дёрнул на себя и отвесил ему подзатыльник.

– Ты пожалел бы мать свою, которая ночами не спала, думая о тебе!

В глазах Стивена блеснули огоньки ярости... Он глядел на меня как загнанный зверь и сжимал руки в кулаки, но сдержался от выплеска гнева и выбежал на улицу, громко стукнув парадной дверью. Мэри вскрикнула и, плача, бросилась

вдогонку за сыном... Я долго думал о том, что случилось со Стивеном. Где он был, и кто одел его в это тряпьё? Ответов у меня не было...

Мэри вернулась вскоре, но сказала, что Стивена не нашла. Она не умела врать... Через два часа взяла форд и уехала по делам. Я коснулся её фотографии, увидел парк и скамейку, на которой она сидела. Появился Стивен. Мэри поднялась навстречу сыну. Они обнялись. Сколько боли было в сердце матери в этот миг! По её щекам катились слёзы. Слёзы появились и на моём лице! Она жадно смотрела на него и не могла наглядеться...

– Сынок, – произнесли её губы, – неужели ты оставляешь нас?

Он качнул головой, что значило «да».

– А где ты будешь жить? – спросила она.

– Мы живём в коммуне, где всё общее, где все равны и по-настоящему свободны! Мы за любовь и против войны, – вдохновенно говорил Стивен.

– На какие средства вы живёте? – спросила, бледнея, Мэри.

– Не беспокойся, мам, у нас есть деньги, и мы друг другу в помощи не отказываем...

– Вот, возьми, – Мэри протянула ему пачку долларов.

– Нет, мам, не в деньгах счастье! Только любовь и свобода...

Я закрыл глаза, и картинка пропала. «Коммуна, всё об-

щее... – думал я. – Не иначе как промыли мозги ему коммунистической пропагандой! Как я их всех ненавижу! Могу ли я удержать его дома? Хорошо, найду я его и закрою в комнате на ключ. Это что-то изменит? Он всё равно сбежит!»

Вернулась Мэри и потерянным взором поглядела на меня. Я сделал вид, что ничего не заметил, и прошмыгнул в комнату Стивена. Все стены были сплошь обклеены фотографиями. Элвис Пресли, Ливерпульская четвёрка и многие другие, которых я не знал по именам...

– Он их слушал, а не нас. Это они воспитали Стивена и увели его из дома!

Я хотел порвать в клочья фотографии знаменитостей, но, понимая бессмысленность сего поступка, сдержался. Всё зашло слишком далеко и ничего не изменить!

– Стивен, мальчик мой, – заплакал я, – зачем же ты нас оставил?

Я снял свои перчатки и коснулся стола, на котором были его отпечатки пальцев (на этом месте он делал уроки). Я поздно вспомнил, что не увижу его... Молодая вульгарная девица лежала на кровати. Она поднесла сигарету ко рту, затянулась и передала её Стивену. Он вдохнул дым, и я остолбенел. Это был не табак! Они смеялись... Девица раздевалась и целовала его...

Как пали нравы! Куда всё исчезло: наши ценности, мораль, принципы?!

В тот миг как бы туманом заволокло глаза мои...

Я не мог поверить, что мой мальчик ведёт себя столь постыдным образом! Правда оказалась слишком горькой и причиняла боль, которую я должен был держать в себе...

А через месяц Стивен пришёл за деньгами.

– Для чего тебе деньги? – вспыхнул я. – Чтобы тратить на марихуану и всяких шлюх?

– Откуда ты... – начал он, осекся, а потом бросил с вызовом. – Что если и так?

– Убирайся из этого дома, щенок, и не попадайся мне на глаза!

– Джим, не говори так! Это же наш сын! – всплеснув руками, воскликнула Мэри.

– Он мне больше не сын! Пусть катится отсюда в свою коммуну или к Советам на содержание...

С тех пор я не видел Стивена. Мэри втайне от меня передавала ему деньги. Я делал вид, что ничего не знаю об этих встречах. А потом он автостопом уехал в Сан-Франциско...

– Вы отчего-то искали советский след в этой истории, – заметил Литвинов. – Может, просветите, как ваши «хиппи» связаны с коммунистами?! В Советском Союзе мы не знали, что такое наркотики! Да что там... Я полгода ухаживал за своей будущей женой, прежде чем она позволила приблизиться к себе. Какая еще «свободная любовь»! Коммуну они подцепили, быть может, из советской терминологии, но, по-

жалуй, что и всё. Да будет вам известно, что «хиппи» – это гремучая смесь из мировоззрений и идеологий всех времён и народов, не исключая философии и религии Востока...

– Я верю, что вы специалист по молодёжным субкультурам, но откуда мне было знать тогда, что они такое? – мрачно парировал Стивенсон.

– Меня больше интересует, когда вы узнали обо мне? – сказал Литвинов.

– В марте 1970 года я увидел во сне сидящего за рулём человека. Он был мертвецки пьян и отчаянно боролся со сном, продолжая ехать по шоссе. Но сон все-таки одолел, и голова его упала на руль. Я закричал, пытаюсь разбудить его, но он не мог меня услышать. Машина со всего хода врезалась в бетонный столб...

Литвинов опустил глаза, чтобы не выдать своего волнения.

– Потом, – продолжал рассказчик, – я видел этого человека в больничной палате и еще печальную женщину рядом с ним. А еще было другое видение. Он шёл за гробом, в котором лежало её бледное восковое тело... Этот человек не плакал, но в душе обвинял себя в её смерти...

Литвинов прослезился.

– Вскоре я похоронил десять своих товарищей, – заговорил он, отвернувшись в сторону. – Я чувствовал, что виноват в их гибели, отчаянно убеждал себя в обратном, но не было мне покоя, и борьба продолжалась...

– Я дослужился до помощника шефа полиции, – продолжал Стивенсон, – и работа перестала меня радовать; вскоре я вышел на пенсию. Я сидел дома, был одинок, потерял смысл жизни и чувствовал, как силы покидают меня...

«Жизнь прожита бездарно, – думал я, – старший сын умер, не зная, что я гордился им, младший – ушёл из дома по моей вине!»

Мне было очень плохо...

Мэри тоже страдала, но у неё была работа, ресторанный бизнес. Общее горе не объединяло нас, ибо страдали мы каждый в своём месте и не делились болью...

Я садился на диван, ел бутерброды и смотрел старые фильмы, не замечая, как сон овладевает мною...

Я видел Кинга, он гнался за мной, размахивая большим огненным мечом, и кричал: «Джим, нам надо поговорить!»

– Да, проснёшься ты, наконец?

– Что? – я открыл глаза и увидел тень, нависшую надо мной.

– Джим, просыпайся. Нам надо поговорить...

Но глаза мои слипались.

– Сержант Стивенсон, подъём!

Я вскочил на ноги и вытянулся по струнке. Предо мной стоял Джеймс Кинг.

– Старик, ты не в форме! – улыбнулся он, разглядывая меня.

– Зачем ты пришёл? – я вернулся на прежнее место.

– Как – зачем? Проведать тебя! Мы с тобой так давно не виделись!

– Мог хотя бы для приличия постучаться перед тем, как войти...

– Ну, извини, ты так крепко спишь, что и трубой ангельской тебя не разбудишь! Да только не обычный сон это...

– Что это значит?

– Твой сон слишком похож на смерть...

– Ты двадцать лет не давал о себе знать и вот вдруг объявился. С чего бы это?

– Я не забывал о тебе, Джим, и присматривал за тобой! Но ты был счастлив все эти годы, а теперь приключилась с тобою беда. Ты потерял сыновей, а жена во всём винит тебя. Ты остался один. А силы уже не те, что прежде...

Сон как рукой смахнуло. Я удивился:

– Откуда ты знаешь?

– Ты должен понять, Джим, – мы с тобой связаны незримыми нитями! Теперь я помогу тебе, – ты как прежде будешь молодым и энергичным!

Я усмехнулся. А он окинул меня строгим взглядом:

– Не улыбайся, Джим. В Японии сейчас творят и не такие чудеса! Тебе повезло больше, чем мне. Я прошёл через особый ритуал... Ты же можешь избежать этого. Но надо спешить, пока ещё не поздно...

Я не понимал, о чём он говорит, но слова его внушали

доверие. Тогда он протянул мне конверт:

– Это билет на самолёт до Токио, – на завтрашний рейс. В аэропорту тебя встретят...

Я помню высотку в центре Токио и человека в белом халате – доктора Хирохито. Он спросил меня по-японски о группе крови. Я отвечал, что первая группа, резус-фактор – отрицательный.

– Отлично, – сказал он, – значит, проблем не будет...

Я сел в специальное кресло; на руку выше локтя лёг тугой жгут, я стиснул пальцы в кулак; выступили вены... Доктор принёс шприц с бесцветной жидкостью.

– Это лекарство... от старости, – пояснил он и добавил с улыбкой. – Вы помолодеете и проживёте много-много лет!

Мне хотелось верить его словам. Доктор сделал укол, но изменений я поначалу не почувствовал и сказал об этом. Он засмеялся:

– Слишком рано вы забеспокоились. Иные чувствуют перемены лишь спустя месяцы после процедуры...

Помню, я лежал с открытыми глазами в своей комнате и думал о словах доктора. Внезапно я почувствовал небывалый прилив сил: меня охватило желание сыграть в футбол и даже заняться сексом. Я рассказал об этом доктору Хирохито. Он улыбнулся:

– Ну, вот и прекрасно: лекарство подействовало! То ли

ещё будет!

Неделю спустя разгладились все морщины на моём лице, кожа заметно помолодела. Прекратились боли в сердце, головные боли, что часто мучили меня. Это было чудо! Я горячо благодарил доктора и предложил ему денег.

– Чудеса мы делаем бесплатно, – отвечал Хирохито с улыбкой на губах.

Мэри, увидев меня, чуть не упала в обморок. Я подхватил её на руки. Мы решили переехать в другой район, чтобы соседи не задавали лишних вопросов. Мэри глядела на своё отражение в зеркале и печально вздыхала:

– Я слишком стара для тебя.

– Ты самая любимая и желанная моя! – говорил я. Однако её переживания отзывались болью в моём сердце: «Надо попросить у Кинга лекарство от старости и для неё. Только где теперь его найти?»

На другой день, когда я проходил мимо кафе, он в окно помахал мне рукой. Я, сияя от радости, зашёл, поздоровался с ним и сказал:

– Это просто чудо!

– Да ты садись, Джим. Можешь что-нибудь себе заказать.

– А ты?

Он скривился:

– Я не хочу.

Тогда я заказал пива у официантки и ненароком уставился

ей вслед.

– Говори, зачем звал меня, – нетерпеливо сказал Кинг.

Я с недоумением поглядел на него:

– Ты джин, исполняющий желания?

– Я не «джин», но он пребывает во мне, – обронил он загадочную фразу. – Я догадываюсь, какое желание овладело тобою, и понимаю тебя, но мой ответ – нет... Я помог тебе, как когда-то ты помог моей дочери. Но не требуй от меня невозможного!

– Ты не хочешь помочь моей жене?

– Будь это в моей власти, она была бы молодой уже сейчас!

– Но это же бессмыслица! – возмутился я. – Мне можно, а ей нельзя!

Кинг усмехнулся:

– О чём ты думал, когда пялился на зад той официантки? О своей жене? Забыл разве слова из Писания? Я тебе напомню их: «кто возжелает женщину в сердце своём, тот уже прелюбодействует с ней»!

Я покраснел от стыда:

– С тех пор, как я прошёл процедуру, мысли неподвластны мне. Лекарство доктора Хирохито так подействовало на меня...

– А у него на приёме ты оказался по моей протекции... Стало быть, я во всём виноват! Но да будет тебе известно, доктор Хирохито спас тебе жизнь...

Кинг поспешно вышел из кафе. А неделю спустя Мэри не

стало...

Я догадываюсь, о чём вы подумали, но нет. Это был несчастный случай! На перекрёстке в её форд врезался джип, за рулём которого сидел преступник, ухотивший от полицейской погони... Она скончалась по дороге в больницу, не приходя в сознание. Я тяжело переживал смерть жены, единственного близкого мне человека... И продолжил ресторанный бизнес Мэри, чтобы не спиться с горя и занять свои мысли.

Я никогда не представлял себя в образе предпринимателя, и мне поначалу нелегко приходилось. Но трудности в те годы меня не смущали. Бизнес быстро пошёл в гору; через пару лет у меня уже была сеть ресторанов в Нью-Йорке, Бостоне и Филадельфии. И я снова женился...

Моя вторая жена Эмили была моложе меня на сорок лет, но она об этом даже не догадывалась. Вскоре после смерти Мэри Ричард принёс мне новые документы, где датой моего рождения значилось 1 декабря 1941 года. В те годы я занимался спортом: бегал по утрам, плавал, в теннис играл...

Семь лет я прожил с Эмили, она была хороша в постели; тратила на шопинг мои деньги, часами разговаривала по телефону с подругами, готовить не умела, и всю работу по дому за неё делала горничная. При разводе Эмили отобрала у меня половину моего бизнеса! И это я ещё легко отделался.

Она тоже была довольна и вскоре снова вышла замуж...

Между тем, видения во сне и наяву приходили ко мне всё чаще. Я видел похороны вашей второй жены, – Стивенсон остановился и взглянул на Литвинова. – Я чувствовал вашу боль, и где бы вы ни находились: в аудитории, в кабинете, на улице, – она не отпускала вас...

– Удивительно, – задумчиво проговорил Литвинов. – И какое объяснение находили вы?

– Я не знал, что думать, и спросил у Кинга при встрече...

– Стало быть, от вас они узнали обо мне, – вздохнул Литвинов, снова прервав рассказчика.

– Да, – опустив глаза, отвечал Стивенсон. – Я оказал вам «медвежью услугу», как говорят в России... В то время я часто видел Кинга. Он приходил ко мне в ресторан, заказывал чашку кофе, показывал значок агента ФБР официанту, и тот резво прибежал ко мне... Я был немало удивлён, когда узнал, что Кинг работает в ФБР. Это не увязывалось с образом миллионера Брайана Адамса, которым он был в прошлой жизни!

– Всё правильно, Джим, я был бизнесменом, а ты – полицейским, а теперь всё стало ровно наоборот, – смеялся он.

Мы с ним говорили главным образом о спорте, а я хотел расспросить его о дочери, да всё не решался. Но он знал, что на душе у меня.

– Я видел её... дочь свою, – сказал он однажды, – в по-

следний раз тридцать лет назад, – в тот самый день, когда она выходила замуж. Я был в соборе и издали глядел, как другой человек ведёт мою Хелен к алтарю...

Когда он рассказал эту историю, мне стало жаль его, – я понял, насколько он одинок и несчастен. Кинга заинтересовали мои видения: он расспросил меня о вас и вскоре ушёл...

Два года меня не беспокоили. Я надеялся, что обо мне забыли, но однажды «томминокер» стукнул в дверь... Знаете, есть такая песенка о подземных духах.

*Нынче ночью, верь не верь
Томминокер стукнул в дверь
Я хотел бы выйти, но не смею.
Я боюсь, он там за закрытой дверью.*

– Это последнее задание, – сказал Ричард, передавая фотографию, и я увидел ваше лицо. – Мне нужно знать всё об этом человеке!

В те дни с раннего утра и до позднего вечера я просиживал на диване и разговаривал сам с собой по-русски. Глядя со стороны, можно было бы подумать, что я не в своём уме. Мне

не хотелось ни есть, ни пить... Я переживал всё то же, что и вы: боль, страх, волнение, не говоря уже о физиологических потребностях...

Литвинов побледнел.

– Это сродни одержимости! – сказал Стивенсон. – Мне казалось, что я дух, живущий в чужом теле...

– Вы чушь какую-то несёте! – вспылил Литвинов. – Где они бесноватые? Вы хоть одного встречали?

– А вы думаете, что они выглядят как-то по-особенному?

– В Библии, – проговорил Литвинов, – сказано, что это люди небывалой силы, живут в гробах, нападают на прохожих, ходят голыми, кричат всякие несуразности, истязают сами себя...

– Для атеиста вы неплохо знаете Писание! – заметил Стивенсон.

– Я искал истину когда-то, но в Библии нашёл только сомнение... Если Бог существует, то почему в этом мире так много боли и страдания?!

– Пути Господни неисповедимы, дела Божьи непостижимы! – провозгласил Стивенсон.

– Так говорят попы своей пастве, – усмехнулся Литвинов. – Они умеют сочинять сказки!

– В Евангелии речь идёт о человеке, в которого вошёл легион бесов, поэтому он истязал себя и нападал на других. «Моё имя легион, ибо нас много», – процитировал Писание Стивенсон.

– По мне так эта одержимость не что иное, как простое сумасшествие! – насмешливо скривил губы Литвинов. Американец, понимая, что не в силах убедить его, обречённо вздохнул и продолжал:

– Потом вы приехали в Нью-Йорк. А Ричард забрал фотографию и передал мне ещё один чемодан с деньгами...

После этого целых тридцать пять лет я его не видел! Он пришёл ко мне в 22-м году в Париже. Я постарел, а он совсем не изменился.

– Вы обещали оставить меня в покое!

– У меня к вам просьба! Это тот человек, которого вы искали в последний раз. Он представляет угрозу национальной безопасности США. По нашим сведениям, он скрывается в Южной Америке, но он хитёр и способен запутывать следы...

– Не смогли отыскать его и сразу ко мне – Джим помоги! – я засмеялся.

Вы меняли страны и города, переезжали с места на место. Мне большого труда стоило найти вас!

– Стало быть, я перед вами в неоплатном долгу! – съязвил Литвинов. – Благодаря вам, они пришли и вживили в мою голову маячок...

Американец вздохнул:

– Мне очень жаль, что я невольно стал виновником ваших бед. Но в то время я ещё не знал всей правды об этих Цен-

трах! Я видел тех учёных, и мне казалось, что они немного не в себе: вообще не выходят за стены здания, хотя, на первый взгляд, их никто там и не держит.

Андрей Романов говорил, что это некие технологии по воздействию на разум, не так ли?

Литвинов побледнел:

– Вам известно и о моем разговоре?..

– С вашим внуком, – договорил за него Стивенсон. – Андрей Романов, президент России – ваш внук! Да, я видел, как вы шли к нему... Такое не забывается никогда! Способности вашей можно позавидовать. Вам заказали его... Убить собственного внука! И вы пытались сделать это чужими руками, для чего использовали мальчика-студента, подвергнув его испытанию гипнозом.

Джеймс Стивенсон растревожил раны Литвинова.

– Откуда у вас прибор? – раздраженно осведомился он.

– Его мне дал учёный, который сбежал из Центра.

– Оказывается, оттуда можно убежать? – удивился Литвинов.

– Рассказываю, как дело было, – продолжал Стивенсон. – Три месяца назад мне приснился один сон... В нем я видел юношу, который сидел в гостиничном номере и смотрел телевизор. Он насторожился и медленно пошёл к двери.

«Кто там?»

– Мистер Шрайдер, вам надо уходить отсюда. Они идут за вами!

«Кто вы?»

– Я ваш друг! Не хотите – не открывайте. Я пришёл только, чтобы предупредить вас...

Он не сразу открыл дверь. И тогда я увидел самого себя, стоящего на пороге номера 25.

– Они будут здесь с минуты на минуту. Вам надо уходить!

– Почему я вам должен верить? – спросил он.

– Не верьте, но в таком случае вы погибнете, а если послушаете меня, скоро будете на Родине!

Мои часы «Монтана» показывали время – 3.54 и дату – 20.06.

– Они будут здесь ровно в 4 часа. Осталось всего шесть минут, – сказал я.

– Откуда вам это известно? – удивился он.

– Это трудно объяснить. И у нас нет времени! – решайтесь же, наконец.

Мистер Шрайдер поспешно вышел из номера. Я на ходу давал ему указания:

– Нам надо разделиться. Вы покинете отель после меня...

– Но у меня нет денег, – растерянно проговорил юноша.

Тогда я достал из кармана пачку стодолларовых купюр и протянул ему. Но он заупрямился:

– Я не могу!

– У нас с вами нет времени на споры! Это ваша зарплата за время работы на организацию...

– Откуда вы знаете? Кто вы такой?! – воскликнул он.

Когда мистер Шрайдер выбежал на улицу, я посигналил, – он сел в машину, и мы тронулись в путь.

– Половина дела сделана! – говорил я, разглядывая город. – Но еще рано радоваться. Пока вы в США, вам угрожает смертельная опасность. Из Кэри вы хотели добраться в Шарлотт и оттуда вылететь во Франкфурт. Они вас вычислят и схватят по прилёте, а пощады от них не ждите! Вам предстоит долгий путь, – через семь штатов к мексиканской границе. На попутках доберётесь до Мехико и там сядете на самолёт... Деньги у вас есть. Паспорт свой нигде не показывайте. В гостиницах не останавливайтесь! И у меня к вам личная просьба – отдайте мне прибор. Я знаю, у вас их два. Второй предназначался для товарища, который отказался бежать с вами...

Я помнил сон до мельчайших подробностей и узнал город по отелю: «Это – в Роли. Сегодня – 19 июня, значит, завтра я должен быть там».

На другой день я постучал в дверь номера 25 и сыграл свою роль...

Юноша поверил мне и рассказал, как сбежал из центра в городе Кэри и на попутном грузовике добрался до столицы штата, где поселился в недорогом отеле. Я узнал, что подвигло его к побегу. Он не выходил за стены центра, не мог по-

звонить матери своей, которая вскоре умерла при весьма загадочных обстоятельствах. Учёные в Центре – это невольники, самоотверженно служащие своим хозяевам, это заключённые, лишённые всяческой свободы...

– Я наблюдал за людьми, которые работали со мной в Нью-Йоркском Центре, – задумчиво проговорил Литвинов. – Естественное стремление к свободе напрочь отсутствует у них! – они не думают ни о чём, кроме работы, и живут только ею. Встретить такое можно только там, в Центре. Мысль о свободе, случайно пришедшая в голову, теряется где-то в потёмках сознания...

– Мистер Шрайдер отдал мне прибор, который по праву принадлежит вам. Отныне вы в безопасности, мистер Литвинов! – Стивенсон вытащил из кармана контейнер с микросхемой. – Держите его при себе и не забывайте периодически менять батарейку...

Литвинов был растроган:

– Как мне вас отблагодарить?

– Вы рассчитаетесь со мной, если сможете вернуть машину её законному владельцу, – улыбнулся Джеймс Стивенсон.

– Не понимаю, – недоумённо качнул головой Литвинов.

– Я угнал эту машину, чтобы вам помочь сегодня...

Добродушный американец думал, что предусмотрел всё,

но он ошибался... О Литвинове знали два злобных существа, которые пребывали в сомнении, не желая навредить своему другу. (Борьба между Светом и тьмой идёт в душе у каждого из нас и временами доходит до крайнего напряжения!). Эти двое колебались, но вскоре они сделают свой выбор...

Глава четвёртая. Центр

1988 год. США. Нью-Йорк.

Литвинов вышел из такси напротив высотки на окраине города. Дверь на фотоэлементах распахнулась, – он вошёл в здание и тотчас увидел господина из берлинской гостиницы, который приветствовал его по-английски:

– Мистер Литвинов, добро пожаловать в Америку! Как добрались?

– Спасибо, хорошо. Позвольте спросить, сколько языков вы знаете?

– Знание языков – великое благо, мистер Литвинов! Можно в любой стране мира чувствовать себя словно дома. Меня зовут Майкл. Я провожу вас к шефу...

Они поднимались на лифте.

– Я мог обратиться в Комитет, – заметил Литвинов. – Вы не думали об этом?

Майкл усмехнулся:

– Мы просчитываем все варианты. Но вы человек не глупый и понимаете, что для вас лучше всего. В КГБ вам не помогут!

Лифт остановился на пятом этаже.

– Третий кабинет направо, – сказал Майкл и скрылся из виду.

Первое, что увидел Литвинов за дверью, была ЭВМ, по-

хожая на большую развёрнутую книгу. Мужчина, сидящий за столом, оторвал глаза от компьютера и поглядел на посетителя. Редкие морщинки на моложавом лице выдавали зрелые лета этого человека...

– Мистер Литвинов, – улыбнулся шеф, – я знал, что вы сделаете правильный выбор! Присаживайтесь. Вы проделали долгий путь!

Литвинов сел в удобное кожаное кресло и спросил:

– Вы следили за мной?

– Ну что вы? Мы не связаны с правительством США и методы ЦРУ не исповедуем! Я не хочу, чтобы между нами были недопонимания с самого начала. Наше сотрудничество будет строиться на взаимовыгодной основе. Мы помогаем вам разобраться в себе, научиться управлять энергией вашего разума, а вы работаете на нас...

– Что я должен буду делать? – спросил Литвинов.

– Вы учёный в области кибернетики, недооценённый в соц. лагере. У вас нет будущего в Советском Союзе, как нет будущего и у вашей страны. Работая на нас, перед вами откроются новые перспективы, о которых вы и не мечтали! Впрочем, всему своё время, мистер Литвинов...

Он нажал на кнопку, и вскоре появилась белокурая девушка в короткой юбке.

– Хелен, – сказал шеф, – проводи мистера Литвинова в его апартаменты.

– Что это значит? – возмутился Литвинов. – Я должен бу-

ду жить в этом здании?

– А что вам не нравится? Ваша проблема с жильём решена. И заметьте – мы с вас не возьмём ни цента за проживание! Все наши сотрудники живут и работают в этом здании. Это очень удобно! Поверьте, комфорт мы вам обеспечим... В конечном счёте, вы всегда сможете покинуть это место!

Литвинов нехотя отправился вслед за красивыми ножками секретарши Хелен. На лифте они спустились на второй подземный этаж, прошли по безлюдному коридору и очутились возле двери с номером одиннадцать. Хелен протянула ключ и сказала:

– В комнате есть всё необходимое. Столовая – этажом ниже. На стене вы увидите кнопку вызова. Если что-то понадобится, достаточно нажать её, приду я или Бетти...

Хелен исчезла. Литвинов оглядел комнату и заметил красную кнопку над столом:

– Нажать или подождать? – он засмеялся. (Литвинов и не подозревал, что за ним наблюдало всевидящее око микрокопической камеры, встроенной в стену). Устав с дороги, он принял душ и лёг спать.

На другой день рано поутру зазвонил телефон. Литвинов спросонья поднял трубку и услышал:

– Мистер Литвинов, ваш рабочий день начался, вам пять минут на сборы, я вас жду в коридоре.

– Кто вы? – хотел спросить Литвинов, но в трубке уже

раздались гудки.

Он наспех оделся, вышел из комнаты и тотчас увидел молодого человека в очках.

– Мистер Литвинов, меня зовут Джек, на первых порах я буду вашим куратором. Пойдёмте, я покажу вам ваше рабочее место...

Вскоре они оказались в просторном кабинете с богатой мебелью и компьютером на столе.

– На таких машинах создавали спецэффекты для трилогии «Звёздные войны»! – не без гордости промолвил Джек.

– Звёздные войны? – удивился Литвинов.

Джек усмехнулся:

– Я совсем забыл, что вы из Союза прибыли! Пока осваивайте новое оборудование. Нашу лабораторию я вам покажу во второй половине дня. Да, и сегодня к вам придёт человек из особого отдела...

– Особый отдел... Что это? – спросил Литвинов.

– Не волнуйтесь. Эти люди творят чудеса! Они помогут вам...

Под конец рабочего дня в кабинет вошёл невысокий коренастый мужчина:

– Мистер Литвинов, я из особого отдела... Прошу следовать за мной.

Он привёл Литвинова в лабораторию, где стояло множество столов с приборами. Их встречал маленький господин,

как две капли воды похожий на первого. «У меня в глазах двоится?» – с улыбкой на губах подумал Литвинов.

– У нас для вас радостная новость, – сообщил тот. – Аномалия вашего мозга поддаётся лечению с помощью лазерной терапии. Боли вы не почувствуете. И у нас есть всё необходимое для операции. Требуется только ваше согласие...

– Я ничего не слышал о лазерной терапии мозга, – засомневался Литвинов.

– Доверьтесь нам, во всём мире только мы можем помочь вам! Доверьтесь нам! – этот голос звучал сладостно и убаюкивал. Веки тяжелели, глаза закрывались... Ослабевшее тело Литвинова подхватили под руки близнецы и положили на кушетку...

Потом к голове его подкатили какую-то тележку. Зажужжала машинка для стрижки волос. Посыпались пряди клоунами на пол. Остриженную голову вмиг усеяли провода. Однако за мгновение до подачи тока Литвинов открыл глаза...

– Всё будет хорошо, – звенел голос в его сознании. – Вы – на солнечном пляже, плещется море у ног...

Литвинов слышал крики чаек в вышине и шум морского прибоя. Однако всё исчезло, едва только пошёл электрический ток, а его тело забилося в жутких конвульсиях. Он издал отчаянный крик и рванулся, что есть силы, но ремни на руках и ногах помешали ему освободиться...

Чудовищная боль внезапно отпустила его; он потерял чув-

ствительность и забылся спасительным сном...

Литвинов очнулся. Маленький господин широко улыбался:

– Поздравляем, мистер Литвинов. Операция прошла успешно! Теперь вам надо отдохнуть. Ступайте в свою комнату.

Литвинов нетвёрдо встал на ноги:

– Что произошло? У меня голова идет кругом!

– Это скоро пройдёт. И всё будет хорошо, – успокаивал звенящий голос.

– Мне было больно. Что вы со мной делали и... почему связали меня? – вспыхнул Литвинов, но вдруг встретил пронизательный взгляд маленького господина.

– Ступайте в свою комнату!

Литвинов послушался, а наутро не помнил о событиях минувшего дня...

В Центре время летит незаметно!

Звонит будильник. Новое утро. Приступаешь к работе... Не успеешь оглянуться, и день уже клонится к вечеру. Так, и проходит жизнь в бетонном подземелье, где не чувствуется дыхание времени года, куда не проникают лучи солнечного света, – посреди бездушных машин и приборов...

Вместе с Литвиновым работали учёные со всего мира, но больше всего было выходцев из Советского Союза. Три раза в день всё общество Центра собиралось в столовой, где продолжались начатые в кабинетах разговоры.

– Нас не выпускают из здания, – заметил как-то Литвинов. – Лифт закрыт, а лестницы наверх нет. Вам не кажется это странным?

– У меня есть всё, – возражал его оппонент, – крыша над головой, трёхразовое питание, а самое главное – интересная работа... Что ещё надо?

– А как насчёт свободы и запаха природы? – спрашивал Литвинов, и на этом разговор заканчивался; его собеседник пересаживался на другое место. Литвинов недоумевал: «Что-то тут не так!»

Но вскоре с ним приключилось несчастье: приступы страшной головной боли одолели его. А препараты, которые давал медик, не помогали. Литвинов лежал на кровати, колотил по красной кнопке, жалобно звал на помощь, но никто не появлялся. Ему казалось, что вот-вот смерть придёт за ним...

Между тем, шеф наблюдал за страданиями Литвинова, глядя в монитор компьютера, и насмешливая улыбка скользила по лицу его.

Боли прекратились внезапно. Литвинов проснулся поут-

ру, чувствуя себя здоровым и полным сил. Медик разрешил ему выйти на работу. «Всё закончилось!» – думал, радуясь, Литвинов. Но он ошибался – всё только начиналось...

Единственным человеком, с которым подружился Литвинов в центре, был Миша Розенберг: еврей, в конце 70-х годов он эмигрировал на свою историческую родину в Израиль, а оттуда перебрался на постоянное место жительства в США.

О женщинах Миша говорил со страстью, охотно вспоминая о своих похождениях. В тот день зашёл спор о том, кто лучше: москвички или сибирячки? Каждый тянул одеяло в свою сторону...

– В Новосибирске женщины, может, одеваются похуже столичных модниц, но им никогда не откажешь в скромности и простоте характера в отличие от гордых и самовлюблённых москвичек! – говорил Литвинов.

– Москвы не знаешь ты. Нет лучше города на свете! – парировал Розенберг.

– Может, пора вернуться в Союз, Миша? – как бы невзначай спросил тогда Литвинов.

Розенберг тотчас же изменился в лице и тихо прошептал:

– Ничего не изменить...

– Ты чего-то боишься? – осведомился Литвинов.

– Да иди ты! – вспыхнул Розенберг и поднялся из-за стола.

Тогда Литвинов удержал его за руку и потребовал:

– Нет, ты скажи.

Розенберг злобно взглянул на него, и Литвинов услышал: «Мы под колпаком... Они придут за нами, где бы мы ни были!»

– За нами следят? Что это значит? – нахмурился Литвинов.

– Отпусти мою руку, – прошипел Розенберг.

«Не слова, а мысли его услышал я, – не сразу понял Литвинов. – Но нет. Этого просто не может быть! Мне почудилось, не иначе...»

Поначалу голова гудела от потока чужих мыслей, но вскоре Литвинов свыкся со своей новой способностью и даже научился получать от неё удовольствие...

Прошло три года... Однажды в его кабинет вошёл полиглот Майкл:

– Приветствую, мистер Литвинов, шеф вызывает вас к себе...

Литвинов с трудом узнал заметно помолодевшего шефа.

– Садитесь, мистер Литвинов. Рад вас видеть! Мне говорили о ваших проектах... Впечатляет! Вы неплохо потрудились, и теперь у меня для вас две новости: одна хорошая, другая плохая. С какой начать?

– Давайте, хорошую новость оставим напоследок...

Шеф сразу помрачнел:

– Вы, может, не помните, но вам делали операцию в осо-

бом отделе. Вынужден вас огорчить: она не принесла ожидаемого результата... Мы не боги! А о человеческом мозге, по большому счёту, известно лишь то, что это весьма сложная и неизученная субстанция...

– И что же теперь? – нахмурился Литвинов, почувствовав себя обманутым.

– Но выход мы нашли, – улыбнулся шеф. – Отныне вы более не опасны для окружающих...

– Что вы хотите этим сказать?

– А теперь я озвучу вторую новость, хорошую: завтра вы отправитесь на Родину.

– Вы отпускаете меня? – удивился Литвинов.

– Вас никто и не держал! – презрительно скривил губы шеф. – Вы всегда могли уйти отсюда, но, как и остальных учёных, вас что-то останавливало. И я знаю, что это. Надежда... И вы не обманулись в своих ожиданиях! Два года наши конструкторы бились над решением вашей проблемы. И теперь их старания увенчались успехом. Они создали прибор, чтобы вы могли контролировать энергию, заключённую в вашем теле...

Шеф нажал на кнопку – появилась Хелен. Она положила на стол какую-то коробочку и удалилась.

– Что это? – спросил Литвинов, издали рассматривая металлический предмет величиной со спичку.

– Это будущее! – улыбнулся шеф. – И гарантия безопасности ваших близких! Но вы можете получить прибор, но

только при одном условии...

– О чем вы? – нахмурился Литвинов.

– Это передовая технология. Излучение, как известно, перемещается со скоростью света. Когда энергия исчезает в одном месте, по закону сохранения она появляется в другом... Так вот. Вы должны пронести это устройство в кабинет президента СССР...

– Вы в своём уме? – вспыхнул Литвинов, вскакивая с места.

– Сядьте, мистер Литвинов! – побагровел от гнева шеф. – Держите себя в руках... Не забывайте, что находитесь в моём кабинете!

– То есть... Вы хотите убить нашего президента? – мрачно проговорил Литвинов.

– Вы понимаете, что по его вине ваша страна неудержимо катится в пропасть?! – воскликнул шеф. – Неужели вам нравится этот лысый пятнистый человек, это жалкое создание? Учтите, если не умрёт он, умрёт кто-то из ваших близких... Нам известно, что у вас есть дочь, а у неё семья: муж и маленький ребёнок...

– Вы мне угрожаете? – вскричал Литвинов.

– Я вас предупреждаю, – спокойно отвечал шеф. – Только одно задание... И вы заживёте как прежде!

Литвинов опустил глаза. Он чувствовал себя зверем, загнанным в ловушку.

– У вас нет выхода, мистер Литвинов! Если вы хотите

жить без страха и мук совести, решайтесь...

– И как вы себе это представляете? Меня ждут в Кремле с распротёртыми объятиями?

– Вы необычный человек, мистер Литвинов! Для вас не существует преград и закрытых дверей...

– Вы бредите! – усмехнулся Литвинов.

– Будем считать, что я этого не слышал, – нахмурился шеф. – У вас открылся дар. Вы способны слышать чужие мысли...

– Любопытно, как вы об этом узнали?

– Это неважно. Вы не всё знаете о своей способности. Вы можете не только читать мысли, но и внушать их на расстоянии...

Литвинов усмехнулся.

– Я чувствую, мои слова не вызывают в вас доверия. Так, давайте проведём эксперимент... Мысленно призовите Хелен и подумайте о том, что ей надо сделать...

– Что сделать? – угрюмо промолвил Литвинов.

– А какая первая мысль приходит к вам в голову при взгляде на неё? – сладострастно улыбнулся шеф.

Вскоре в кабинет вошла Хелен, присела и принялась расстёгивать молнию на брюках Литвинова...

Стук в дверь прервал его воспоминания; раздался голос

Гарри:

– Вы, должно быть, проголодались. Я принёс вам сэндвичи.

Литвинов открыл дверь. В номер вошёл Гарри с блюдом в руках:

– Моя жена Маргарет сделала бутерброды.

При мысли о еде у Литвинова заурчало в животе. Гарри передал блюдо, бросив косой взгляд на своего постояльца...

«Странный старик», – подумал Литвинов, взглядом провожая хозяина гостиницы, а когда тот скрылся за дверью, он взял бутерброд...

Для американцев фастфуд больше, чем просто еда! Это мировоззрение, это смысл жизни... Они любят побаловать себя и продлить кратковременное удовольствие от приёма пищи. Но жестоко ошибается тот, кто думает, что расплата за минутную слабость никогда не настанет! За перееданием идёт следом ожирение, за ожирением поспевают букет заболеваний. Но американцы – народ гордый, они так просто не сдаются и объявляют войну лишним килограммам! Жизнь уходит на погоню за удовольствиями и бегство от их последствий. Занятия спортом, фитнес, разнообразные диеты – ничто не помогает, потому что жажда удовольствий сильнее голоса разума...

Литвинов жевал бутерброд, не помышляя о нации счаст-

ливых людей, похожих на ходячие гамбургеры. Он думал, что пора наведаться к старому знакомому и расплатиться с ним по всем счетам.

«Шеф, я иду за тобой!»

Прошло немало лет, но того обмана Литвинов не забыл и не простил. В свою бытность в Токийском Центре он подружился с Ямамото Каору и зла на него не держал. Но пережитое в Нью-Йорке глубоко запало в душу его... «Жив ли он? – думал Литвинов. – Впрочем, можно не сомневаться. Омолодился, сволочь, и живёт припеваючи! Но ничего, я положу этому конец...»

– Он странный какой-то, – сказал вслух Литвинов.

– О ком вы? – осведомился Стивенсон.

– О Гарри...

– Между прочим, это его сына я спас когда-то в Чикаго вместе с дочерью Брайана Адамса, – рассказывал американец. – В те времена он работал, кажется, на заводе Форда. Но вскоре в его жизни произошли перемены. Некий родственник оставил ему богатое наследство... Однажды, когда я расширял сеть своих ресторанов в Пенсильвании, остановился в этой гостинице. Гарри узнал меня и поселил в лучшем номере со скидкой.

«Не в этом ли?» – подумал с улыбкой на губах Литвинов.

– Он почти не изменился со времени первой нашей встречи, – продолжал Стивенсон, – не стал таиться от меня и на мой вопрос сказал, что Кинг помог ему...

«Странно, – подумал Литвинов, – очень странно! Нет, с этим Гарри нужно держать ухо востро!»

– Итак, мистер Литвинов, чем вы намерены теперь заняться? – спросил Стивенсон.

– У вас есть предложения? – без интереса осведомился Литвинов.

– Стоит заняться этими «центрами». Мы должны вывести этих людей на чистую воду и положить конец тому беззаконию, что там творится!

– Согласен. И что для этого надо сделать? – спросил Литвинов, пряча улыбку в уголках губ.

– У меня есть друг, – проговорил Стивенсон, – он в прошлом – шеф полиции, я работал с его отцом в давние времена...

В 25-ом году, когда я вернулся из Парижа, Джон пришёл в мой ресторан со своей женой. Удивительно – он узнал меня и сказал, что я учил его в детстве играть в бейсбол...

Когда он назвал мне своё имя, я вспомнил шестилетнего

неуклюжего мальчика. Промахи, одни сплошные страйки⁶!

Прошли годы. «Мальчику» исполнилось шестьдесят лет. Мы вместе поужинали в ресторане, и Джон пригласил меня в гости. Дома он показал мне старую пожелтевшую от времени фотографию. Я увидел на ней себя и его отца.

– Чудеса, – говорил он, глядя на меня, – вы почти не изменились с тех пор! А отца давно на свете нет... В чём ваш секрет?

– Долгие годы занятий спортом, полноценный сон и отсутствие вредных привычек. Вот и всё!

«Если вам когда-нибудь понадобится помощь, знайте, что в моём доме вы можете на неё рассчитывать», – примерно такие слова Джон сказал мне на прощание.

– Он когда-то давно служил в полиции, а вы вспомнили... – задумчиво проговорил Литвинов.

– Но связи-то остались! – заметил Стивенсон. – Я боюсь, нас не воспримут всерьёз, если мы сейчас пойдём напрямик в полицию!

– Ну и что вы ему скажете? – усмехнулся Литвинов.

– Правду, – спокойно отвечал Стивенсон. – О местах, где незаконно лишают людей свободы...

– Ну, тогда поехали к отставному шефу полиции! – Литвинов поднялся с места.

– Сейчас? – удивился Стивенсон. – Уже темнеет.

– Время – деньги, – засмеялся Литвинов, – так сказал ваш

⁶ Промахи в бейсболе (прим. авт.).

великий соотечественник, чей портрет красуется на столдолларовой купюре. А если без шуток, – он помрачнел, – нам надо спешить, если мы хотим выжить... Зря вы ввязались в это дело, Джеймс! Рано или поздно они узнают, что вы помогли мне...

– Бросьте это, – махнул рукой Стивенсон, – я перед вами в долгу, а жизнь моя, – он вздохнул, – она уже прожита... И всё же вам надо отдохнуть!

«А прикатил за мной на чужой машине. Лукавый народ – эти американцы!» – подумал Литвинов и проговорил вслух:

– Отдохну на том свете.

– Я не могу на угнанной машине подъехать к дому шефа полиции, прежде надо вернуть её владельцу...

– Стало быть, сделаем это вместе, – предложил Литвинов. – Тем более что по моей вине вы пошли на этот шаг...

Спустя полчаса они въехали в сверкающий всеми цветами радуги Нью-Йорк...

Большой город, воспетый в голливудских фильмах. Столица Западного мира! Центр цивилизации, прославленный статуей Свободы. Олицетворение мечты, к которой тянулись миллионы людей со всего мира. Символ величия Америки, бросивший вызов небесам своими высотками, технологическим прогрессом, пестротой населения⁷, показной мощью и

⁷ Нью-Йорк – это город переселенцев со всего света: там живут китайцы, индийцы, латиноамериканцы и т.д. (прим. авт.)

процветанием. Средоточие мировой экономической и финансовой жизни...

Гордились американцы своей страной и верили в безопасное небо у себя над головой! Но все изменилось в одночасье. День 11 сентября 2001 года стал потрясением для жителей города. Атака на Всемирный торговый центр вызвала панику в среде американских обывателей. За десять лет со времени распада Советского Союза успели позабыть они о страхе перед вторжением. Раньше – коммунисты, теперь – террористы нарушают покой, и нет от них спасения даже в столь великой стране как Америка! Тогда заговорили о приближении конца света и вспомнили даже пророчества Ванги...

Между тем власти пошли на ограничение свобод своих граждан... Шестнадцать разведывательных агентств США развернули кипучую деятельность, оправдывая слежку за собственным народом укреплением национальной безопасности. Отныне сотрудник ФБР мог получить информацию о телефонных переговорах любого американского гражданина. И свободолюбивые американцы смирились с новыми реалиями жизни...

Томас Джефферсон в Декларации независимости установил для американцев три незыблемые ценности: жизнь, свобода и стремление к счастью. А один из отцов-основателей США Бенджамин Франклин сказал: «народ, не готовый отдать свою жизнь за свободу, не заслуживает ни жизни, ни свободы». Жизнь – высшее благо, но ведь без свободы она

лишена всякого смысла!

Ночная тьма легла на землю. Одинокaя машина остановилась на пустынной нью-йоркской улице...

– Автомобиль неминуемо привлечёт внимание стражей порядка, – проговорил Стивенсон, освобождаясь от ремня безопасности. Но он не ожидал, что это произойдёт так скоро: в этот миг появился человек в полицейской форме...

Стивенсон прошептал, бледнея:

– Всё пропало... попались!

Но Литвинов сохранил спокойствие. Он равнодушным взглядом окинул полицейского. Стивенсон дрожащей рукой открыл окно и услышал:

– Вы не видели знак? Здесь остановка запрещена. Предъявите ваши документы!

Американец затрясся, побагровел и от волнения потерял дар речи на мгновенье.

– Офицер, – с акцентом по-английски проговорил Литвинов, обратив на себя внимание полицейского. – Вы проверили у нас документы и выяснили, что всё в порядке, – никакого нарушения не было. Сейчас вы уедете и о нас забудете навсегда...

В ответ полицейский выдал скороговоркой: «Всё в порядке, нарушения не было», – а потом развернулся, сел в патрульную машину и скрылся из виду.

– Боже мой, – произнёс Стивенсон, хватаясь за сердце, –

я думал, что это конец... Спасибо вам!

– Да не за что, – усмехнулся Литвинов. – Вот видите, я не зря с вами поехал! Надо уходить, а то ещё кто-нибудь нагрянет...

Знакомого Джеймса Стивенсона отставного шефа полиции звали Джон Дуглас. На звонок вышла его молодая жена. Она оглядела незваных гостей, узнала Джеймса и холодно приветствовала его.

– Извините, что так поздно, – сказал Стивенсон, – мы – к Джону по срочному делу...

– Джон, к тебе пришли, – крикнула она мужу и исчезла за дверью.

Джон с удивлением поглядел на Литвинова, но заметил Стивенсона, улыбнулся и поздоровался с ним за руку.

– Кто это с вами? – он кивнул на Литвинова.

– Это мой русский друг, – отвечал Стивенсон.

Джон ещё больше удивился:

– Русский?

– Джон, у нас к тебе дело...

– Проходите.

Джон провёл их в просторную гостиную, где они сели на мягкий диван.

– Итак, что привело вас ко мне? – Джон уставился на Лит-

винова.

– Наше дело весьма необычное, – заговорил Стивенсон, – но я хотел бы, чтобы ты правильно нас понял...

– Я постараюсь, – скривил губы в усмешке Джон.

– Мне стало известно, что в американских городах, включая Нью-Йорк, существуют... некие исследовательские центры.

– И что в этом странного? – спросил Джон.

– В них незаконно удерживаются учёные из других стран, – Стивенсон остановился и поглядел на Джона.

– Продолжайте, – сказал Джон без тени эмоций на лице.

Джеймс Стивенсон с жаром рассказывал всё, что знал о центрах. Джон его не перебивал и, молча, слушал, ничего не спрашивая. Литвинов между тем залез в его сознание и не нашёл там никаких мыслей...

Джон ни о чём не думал! И это совсем не понравилось Литвинову. Лишь когда Стивенсон окончил свою речь, тот заговорил с улыбкой на губах:

– Господа, слышал в своей жизни немало историй, но такую – впервые! Ха-ха. Теория заговора, да и только! Зловещая организация собирает учёных в исследовательские центры и испытывает на них технологии воздействия на разум... Вы, случайно, не думали о карьере писателя, Джеймс? Отличная бы книга получилась!

– Джон, я ничего не выдумываю! – растерялся Стивенсон. – Это правда. Мистер Литвинов три года провёл в Цен-

тре и может всё подтвердить...

Он взглянул на Литвинова, но тот молчал.

– Мистер Литвинов?

Тот пожал плечами:

– Ты всё рассказал, Джеймс. Мне добавить нечего.

– Он был в Центре и теперь сидит здесь, – заметил Джон. –

А вы утверждали, что оттуда не выходят!

– Что мне сделать, чтобы ты мне поверил? – воскликнул

Стивенсон.

– Убеди меня! – улыбнулся Джон.

– Охотно, – проговорил Литвинов, заглянув в ему глаза. –

Завтра вы пойдёте в полицию и всё им расскажете, не так ли, мистер Дуглас?

– Завтра я пойду в полицию и всё расскажу, – как робот произнёс Джон, не отрываясь от его взгляда.

– Что вы им расскажете, озвучьте! – потребовал Литвинов.

– Существуют «центры», в которых незаконно удерживаются учёные, – к ним применяется психическое воздействие...

– А теперь вспомните, что мы только что говорили о бейсболе...

– Парни из «Ред Сокс» снова проиграли, Джеймс! – сокрушённо покачал головой Джон, переведя взгляд на Джеймса.

– Это неправильно – залезать в голову человека без его

согласия! – сказал Стивенсон Литвинову на улице.

– Может быть, – нехотя отозвался тот, но сейчас важен результат – Отчего-то того полицейского вам не было жалко...

Стивенсон замолчал и за всю дорогу не проронил больше ни слова.

На другое утро Джон Дуглас отправился в полицейское управление Нью-Йорка, где когда-то был начальником. В хорошо знакомом кабинете он битый час объяснял своему бывшему помощнику, а ныне – шефу полиции суть своего дела и – о, чудо! – в конце концов, добился проведения проверки...

Литвинов проснулся спозаранку, и, когда Джон Дуглас вошёл в здание полиции, он уже стоял у дверей Центра на западной 23-ей улице. Забыв о чувстве жалости, он был в предвкушении утоления жажды мести; зловещая улыбка играла у него на лице. Потом он прошёл через металлодетектор и заглянул в глаза охранника, который тотчас скрылся из виду.

– Здравствуйте, – улыбнулась девушка в приёмной. – Вы – к кому?

– К шефу! – отвечал Литвинов.

– Простите? – удивилась девушка. – Вероятно, вы имеете в виду мистера Дэвиса?

– Совершенно верно.

– Как мне о вас доложить? – спросила она, встретив гипнотический взгляд Литвинова. – Впрочем, мистер Дэвис в

курсе; вам на пятый этаж третий кабинет справа...

– Я знаю, – улыбнулся Литвинов и направился к лифту.

Шефа Нью-Йоркского Центра звали Христиан Дэвис. Он был владельцем контрольного пакета акций компании, производящей бытовую технику. В здании по западной 23-ей улице на пятом этаже находился офис этой организации. Остальные помещения сдавались в аренду компании «IT-industry», которая официально занималась разработками в сфере информационных технологий. Но, кроме того, эта корпорация проводила секретные эксперименты по управлению человеческим сознанием...

Правители всех времён мечтали об абсолютной власти. Недолговечна любовь народная! Едва приходят трудности, люди поднимают бунт... Объявление монарха помазанником Божиим не способно долго сдерживать взрыв народного негодования. Публичные казни бунтовщиков служили в устрашение и назидание, дабы другим неповадно было. Но укоренился страх в сердцах сильных мира сего, искали они более совершенные способы подчинения подданных своей воле. И тогда прибегли они к методу кнута и пряника...

Амфитеатр служил ареной для увеселения толпы, жаждущей хлеба и зрелищ, а подчас и местом казни инакомысля-

щих. Но пала Римская империя, и кровавые бои гладиаторов остались в прошлом. Однако идея кесарей о развлечении людей как универсальном средстве управления и контроля обрела второе рождение в эпоху Нового времени. Поняли сильные мира сего: надо открыть простолюдинам двери в вечно прекрасный мир грёз! Сказанное слово сильнее прочитанного; зримые образы прочнее, нежели литературные, укореняются в сознании...

И вот теперь появились совершенные технологии воздействия на разум: кино, телевидение и Интернет, где порок преподносится доступным товаром.

Добрые голливудские мелодрамы тридцатых годов ушли в прошлое, режиссёры стали снимать фильмы, воспевающие запретные удовольствия мира сего...

Гигантский массив разнообразной информации международной компьютерной сети «Интернет» испещрён лазейками для червей, грызущих древо нравственности...

Телевидение стало новой религией человечества; это целый мир, полный ярких красок и увлекательных историй, что контрастируют с серыми трудовыми буднями.

Уловлен сетями человек, и медленно опускается он на самое дно...

Зрелищ отныне хватало, но хлеба было мало... Эффект оказался временным. И вот снова постигла неудача сильных мира сего! Они мечтают видеть вокруг себя не людей, а стадо коротких овец, роботов, не знающих сомнения и устали, по-

слушных исполнителей чужой воли, не имеющих собственного мнения...

После Второй мировой войны вышеупомянутой компании поручили проведение исследований в области мозга, была поставлена конкретная задача – найти средство активизации одних и подавления других его участков...

Исследования, проведенные в начале 50-х годов, вскоре принесли первые плоды. В результате синтеза множества натуральных компонентов было получено особое вещество, влияющее на подкорковые структуры больших полушарий. Газ без цвета и запаха, поступая в организм, воздействовал на те многочисленные отделы мозга, что отвечают за выработку отрицательных эмоций. И людей, подвергшихся его воздействию, безотчётный, непрерывный страх преследовал по пятам. Спасаясь от назойливых мыслей, человек уходил в работу с головой. И это давало временное успокоение...

Тем временем в США со всего мира стекались молодые, не имеющие семей и непризнанные учёные. Они не подозревали, что обречены быть подопытными в невиданном эксперименте, поставленном в исследовательских центрах Америки.

Газ распыляли в столовой... И вскоре появились первые жертвы. Один учёный был найден в ванне со вскрытыми венами, другой – удушился собственным галстуком... Число са-

моубийств множилось день ото дня; трупы вывозили за город и кидали в мусорную яму. Но кое-кто из учёных преодолел в себе страх и вырвался на свободу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.